

В. П. ЕВДОКИМОВ

СООТНОШЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРАВА И СИСТЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Системность имеет место в любой сфере и в любом виде человеческой деятельности. В юриспруденции параллельно существуют два крупных системных образования — система права и система законодательства. Раскрытие необходимости их совместного существования, характера взаимоотношений и степени воздействия друг на друга представляет значительный научный интерес.

Обычно в литературе система права исследуется посредством изучения ее структуры. Структура же, как известно, представляет собой элементный состав системы с комплексом закономерно присущих ему внутренних связей. Выяснить соотношение систем права и законодательства можно путем проведения сравнительного анализа их элементов, структурных подразделений и связей между ними.

Если норма права является общепризнанным элементом системы права, то вопрос об элементе системы законодательства остается дискуссионным¹. Наиболее верным с точки зрения системы законодательства как органического единства всех изданных в установленном порядке нормативно-правовых актов, закономерно связанных между собой отношениями иерархического, отраслевого и федеративного видов, представляется признание элементов этой системы нормативного акта в целом. Как известно, элементом системы является та минимальная ее часть, которая способна сохранять присущие данной системе свойства. Если система законодательства в целом призвана регулировать весь комплекс общественных отношений, нуждающихся в таком регулировании, то каждый отдельный нормативный акт издается с целью комплексного регулирования определенного «участка» этих отношений. Содержащиеся в нормативном акте статьи, пункты, части и т. п. тесно взаимосвязаны между собой и взаимозависимы друг от друга, чем достигается цельность, интегративность нормативного акта и его всестороннее воздействие на предмет регулирования. Отсюда видно, что нормативный акт представляет собой систему законодательства в «миниатюре», т. е. является ее элементом.

При всем этом существует мнение, что практическая необходимость разделять понятия «норма права» и «нормативный акт» отсутствует². Общеизвестно, что эти понятия соотносятся друг с другом как содержание и форма. Но, хотя форма и зависит от содержания, она имеет относительную самостоятельность и сама может активно воздействовать на содержание. В нынешних условиях существования нашего общества, когда единственным источником права является нормативно-правовой акт, правовая норма представляет собой прежде всего идею о том, каким образом регламентировать поведение людей в определенных ситуациях. Но это не просто идея, а идея, воплощенная в конкретную форму, в которой она приобретает практическое значение. Как политическая значимость идеи требует соответствующей формы выражения (закона, указа, постановления и т. д.), так и внешняя форма может придать идее различную социальную значимость. Поэтому отождествлять норму права и нормативный акт нельзя, хотя эти понятия в настоящее время, безусловно, органически взаимосвязаны. Норма — идея, правило, а нормативный акт — еще и средство, при помощи которого правило реализуется, становится фактом.

В «чистом» же виде правовая норма есть идея, нуждающаяся в реализации, а нормативный акт — более объемное понятие, это есть правовая идея плюс гарантии ее реализации.

В соответствии с общепринятым структурным делением систем права и законодательства их элементы группируются в институты и отрасли. Анализ соотношения отраслей права и законодательства является ключевым вопросом при исследовании взаимоотношений двух систем. Невозможность четкого определения сущности отрасли права и отрасли законодательства и их соотношения друг с другом явилась причиной появления множества концепций о целой иерархии отраслей, что привело к искусственному усложнению конструкции системы права и системы законодательства и весьма затруднило определение соотношений между этими системами, как и между их отраслями. И вот предлагается выход из создавшегося положения, средство избавиться от путаницы в этом вопросе: «отрасль права и отрасль законодательства — различные термины, за которыми скрывается тождественное содержание»³. Автор утверждает, что разделение отрасли права и отрасли законодательства по принципу «идеальное — реальное», «идея — ее осуществление» не имеет практического смысла и не способствует совершенствованию правовой материи и углублению наших знаний о ней. Единственно практически действующей, реальной автору представляется лишь отрасль законодательства, а существование понятия «отрасль права» является уже излишним как лишенное функциональной нагрузки. Но может ли отрасль права как самостоятельное понятие так долго существовать, если в этом нет никакой практической необходимости? Для чего же существует отрасль права как совокупность идей, воплощенных в нормативно-правовых актах? Чтобы регулировать общественные отношения? Но ведь сущность соотносится с окружающим миром через свою форму. Идеи сами по себе не регулируют общественные отношения, их регулируют акты при помощи содержащихся в них идей, т. е. правовых норм. А если общественные отношения регулируются отраслью законодательства, представляющей единство формы и содержания, то что же остается на долю отрасли права? Единственным ответом на этот вопрос представляется тот, что деление права на отрасли вызвано необходимостью познания и изучения самого права. Именно с целью облегчить процесс его изучения известные отрасли права и были в свое время выделены учеными-правоведами из всей массы правового материала. Изучая право, мы изучаем идеи, заключенные в нормативно-правовых актах, т. е. по сути дела изучаем законодательство. Но законодательство чрезвычайно обширно и содержит массу повторяющихся моментов, т. е. абсолютно не приспособлено для изучения содержащихся в нем правовых идей. Поэтому сами эти уже реализованные, т. е. имеющие практическую значимость, идеи с целью их познания и изучения были классифицированы и распределены по институтам и отраслям. Следовательно, подменять отрасль права отраслью законодательства нельзя, обе они являются практически необходимыми и поэтому имеют право на существование.

Вообще объективное начало отрасли и самой системы законодательства нередко необоснованно игнорируется. Система законодательства трактуется лишь как результат деятельности по упорядочению нормативного материала⁴. По нашему мнению, систематизироваться может лишь законодательство, уже являющееся системой, так как сама систематизация отражает объективно имеющиеся внутри совокупности нормативно-правовых актов связи и отношения. Вывод о чисто субъективном происхождении системы законодательства имеет своей основой представление о том, что лишь система права отражает структуру общественных отношений, т. е. основывается на объективной реальности, а система законодательства отражает уже систему права, т. е. соотносится с объективной реальностью опосредованно, через систему права. Но при этом не учитывается, что система действующих в обществе отношений многоструктурна, а структура права и структура законодательства являются разными аспектами этой макроструктуры, отражают систему общественных отношений в разных плоскостях. И вообще спор о субъективности либо объективности системы права и системы законодательства безоснователен, ибо «сами критерии объективного и субъективного в праве достаточно расплывчаты. И право как система норм, и законодательство — синтез объективного и субъективного, четкую грань между ними провести невозможно»⁵. И право, и законодательство субъективны как продукт воли человека, но объективны

как закономерный результат развития общества, как имеющаяся в наличии реальность. Их конкретная форма, их структура являются одним из вариантов системности данных явлений, избранным с учетом удобства их функционирования в интересующем государстве направлении.

Но если система законодательства имеет свое материальное воплощение в виде нормативно-правовых актов, то система права существует лишь в нашем сознании, да на страницах научных работ и учебных пособий. Этот факт еще раз подтверждает, что практически действующей, активной является только система законодательства, а систематизация права имеет прежде всего прикладное значение—создание средства его познания. Система права и система законодательства—явления, служащие разным целям, выполняющие каждая свою специфическую функцию и развивающиеся по своим собственным законам. Поэтому вряд ли существует необходимость максимального сближения системы законодательства с системой права, ее ориентации на последнюю. Сторонники данной точки зрения считают, что развитие системы законодательства в указанном направлении устранил излишнюю множественность актов, обеспечит доступность и обозримость законодательства, упростит деятельность по его применению и т. п.⁶ Если следовать этому курсу, то отрасль законодательства должна быть чуть ли не копией отрасли права, фотографическим отображением отрасли права в форме законодательства, что фактически и предлагается. Но практика пошла по другому пути, и для этого имелись свои причины—различная функциональность этих отраслей. Система права действительно должна быть основой системы законодательства, но основой не в смысле соответствия структурного деления, а в смысле использования набора ее (системы права) элементов в качестве «кирпичиков» для «строительства» по собственному проекту. Система права—это полный набор, «комплект инструментов» для регулирования отношений в обществе, она служит своеобразным источником, из которого законодатель черпает модели правовых норм для их материализации и практического употребления. В настоящее время возникновение принципиально новых, отличных по своей природе правовых норм, не подпадающих под требования существующих отраслей права, маловероятно. Система права выполняет роль основы, на которой базируется законодательство, способное изменять свою структуру в пределах, обусловленных системой права, точнее, ее элементным составом. При условии стабильности системы права и маловероятности появления принципиально отличных правовых норм система законодательства не может выйти за рамки системы права, т. е. воспользоваться не входящими в конкретную систему права «инструментами». Только в этом смысле система права является основой системы законодательства. Призывы к ориентации системы законодательства на систему права, к их максимальному сближению основаны на устоявшемся представлении о системе законодательства как внешней форме системы права, являющейся ее содержанием⁷. Однако искусственно разделять форму и содержание нельзя. Система законодательства представляет собой органическое единство нормативно-правовых актов (содержание) с присутствующими им связями и отношениями, т. е. выраженная определенным образом—в виде известной нам системы (конкретная форма). В свою очередь, конкретная система права—идеальная конструкция, в ее основе (содержание) находятся нормы права (идеи), а формой является наше представление о взаиморасположении этих норм. Система права—это «объективизированный в сфере общественного сознания результат систематизации правовых норм»⁸. Даже если рассматривать систему законодательства с точки зрения наличия в ней правовых норм, то и тогда она не может выступить формой системы права. В системе законодательства нормы права упорядочены одним образом, в системе права—другим. Система права сама представляет собой конкретную форму объединения правовых норм и поэтому не может принять другую форму, в данном случае форму системы законодательства, не ликвидировав своей. Различная организация сосуществования норм права вызвана необходимостью выполнения специфических задач. Нормы права могут быть искусственно изъяты из своей материальной «оболочки» и своеобразно организованы между собой только с одной целью—ради познания, исследования. Прежде чем занять свое место в системе права, норма проходит три необходимых стадии: сначала в результате творческих усилий появляется идея о способе регламентации человеческого поведения, затем как признание ее актуальности следует технический процесс материализации, «одевание»

идеи, т. е. включение ее в текст правового акта и уже после этого — вычленение нормы из акта и присоединение ее к группе других (институту, отрасли права). Система права была выделена в свое время как результат изучения правовых норм и затем предложена в качестве схемы, теоретического подспорья для дальнейшего исследования многообразия нормы права.

В отличие от системы права система законодательства является непосредственно практически действующей, организованной определенным образом с целью наиболее эффективного применения права. Если система права в своем развитии ориентируется на нужды познания, то система законодательства — непосредственно на нужды практики, на практических работников. Здесь следует иметь в виду, что под развитием системы права подразумевается не качественное и количественное изменение самих правовых норм, обусловленное совершенствованием общественных отношений, а развитие именно системности этих норм.

¹ См.: Поленина С. В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. — М., 1979, с. 25.

² См.: Лившиц Р. З. Отрасль права — отрасль законодательства. — Советское государство и право, 1984, № 2, с. 28.

³ Там же, с. 28.

⁴ См.: Советское право / Под ред. Пашкова А. С. и Явича Л. С. — М., 1982, с. 15.

⁵ Лившиц Р. З. — Советское государство и право, 1984, № 2, с. 28.

⁶ См.: Система советского законодательства. — М., 1980, с. 55; Общая теория права. — Л., 1976, с. 136; Советское право, с. 15.

⁷ См.: Советское право, с. 15; Система советского законодательства, с. 55; Поленина С. В. Теоретические проблемы системы советского законодательства, с. 23 и др.

⁸ Система советского законодательства. — М., 1980, с. 43.

В. Г. ТИХИНЯ, Л. Н. РАКИТИНА

О СВЕДУЩИХ СВИДЕТЕЛЯХ И СПЕЦИАЛИСТАХ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Свидетельские показания представляют собой одно из наиболее распространенных средств доказывания в гражданских делах. Согласно действующему законодательству в качестве свидетеля может быть допрошено любое лицо, которому известны какие-либо обстоятельства, относящиеся к делу (ч. 1 ст. 41 ГПК БССР, ч. 1 ст. 61 ГПК РСФСР). Всякий человек, обладая способностью правильно воспринимать определенные факты и сохранять их в своей памяти, может быть вызван в суд и допрошен в качестве свидетеля. Однако имеются и ограничения. Они названы в ч. 2 ст. 41 ГПК БССР (ч. 2 ст. 61 ГПК РСФСР) и сводятся к двум моментам. В первом случае ограничения связаны с необходимостью сохранения служебной тайны (не могут быть вызваны в суд и допрошены в качестве свидетелей представители по гражданскому делу или защитники по уголовному делу об обстоятельствах, которые им стали известны в связи с исполнением обязанностей представителя или защитника), в другом случае речь идет о психофизической неспособности человека быть свидетелем по делу. Гражданский процессуальный закон указывает, что лица, которые в силу своих физических или психических недостатков не способны правильно воспринимать факты или давать о них правильные показания, не могут быть вызваны в суд и допрошены в качестве свидетелей.

Действующее законодательство не устанавливает возрастных ограничений для лиц, которые могут быть свидетелями по гражданским делам, поэтому малолетние дети также могут свидетельствовать об известных им обстоятельствах. Статья 163 ГПК БССР (ст. 173 ГПК РСФСР) определяет порядок их допроса, который, как правило, должен происходить в присутствии специалиста в области детской психологии и педагогики.

Инициативу о вызове гражданина в суд в качестве свидетеля могут проявить как стороны, так и другие лица, участвующие в деле. В этом случае ходатайствующий о вызове свидетеля участник процесса обязан указать, какие обстоятельства, имеющие значение для дела, может подтвердить свидетель и сообщить суду его имя, отчество, фамилию и место жительства. Инициатором вызова в суд свидетеля может быть и сам суд, но в каждом случае у суда должно возникнуть предположение, что